

Бобровников Владимир Олегович,
к.и.н., старший научный сотрудник,
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия,
vladimir_bobrovn@mail.ru

ИЗ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ АРХЕОГРАФИИ В ДАГЕСТАНЕ¹

Аннотация: Статья рассказывает о предистории дагестанской школы восточной археологии на российском Кавказе позднего имперского и раннего советского времени в общем контексте советских культурных преобразований. Вместе с созданием в 1920-е гг. в советских автономиях сети музеев, краеведческих обществ и научно-исследовательских учреждений, в сельских районах Дагестана начинается интенсивная работа по собиранию, копированию, переводу и изучению документов и рукописей из частных и мечетных библиотек на восточных языках, преимущественно на арабском литературном и местных кавказских и тюркских языках в арабской графике. Среди первых собирателей восточных рукописей в Дагестане преобладали мусульманские ученые и представители зарождавшейся на рубеже XIX–XX вв. мусульманской интеллигенции. В ранних археологических экспедициях участвовали дагестанские модернисты-джадиды и их ученики. Академическое источниковедение окончательно сложилось в Дагестане в послевоенные десятилетия. Но и во второй половине XX в. среди дагестанских источниковедов остаются выпускники мусульманских образовательных учреждений, нередко получившие позднее высшее светское образование. Тематический репертуар Фонда восточных рукописей в какой-то мере отражает интересы и вкусы модернистской части советской мусульманской элиты, нарушая общую традицию частных и мечетных библиотек, в которых преобладают сочинения по праву, догматике, ритуалу и их комментарии. В дагестанской восточной археологии между двумя мировыми войнами упор был сделан на преимущественный сбор и изучение оригинальных дагестанских сочинений и документов на арабском языке. Именно в работах дагестанских джадидов и их учеников, с именами которых связано начало восточной археологии в Дагестане, вводится в научный оборот целый ряд памятников мусульманской историографии Дагестана с эпохи раннего средневековья до конца нового и начала новейшего времени, ставших классическими и переосмысленными в современной историографии на Северном Кавказе.

Ключевые слова: полевая археология, восточные рукописи и документы, краеведение, джадиды, культурная революция, советская модернизация.

FROM THE HISTORY OF ORIENTAL ARCHAEOGRAPHY IN DAGHESTAN

Vladimir O. Bobrovnikov,
PhD. (History), senior research fellow,
Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia
National Research University
Higher School of Economics in St. Petersburg, Russia
vladimir_bobrovn@mail.ru

Abstract: The article analyzes prehistory of the Daghestani school of Oriental archaeology putting it into a wider context of post-colonial Soviet reforms. The author argues that academic source studies in the region is based on amateur area studies (kraevedenie). With the establishment of museums, circles and universities in the 1920s, Soviet Muslim elites were involved in copying, translating and studying documents and manuscripts from private and mosque libraries in the Arabic language and script. First archeographic expeditions were carried out by Muslim scholars and nascent local intelligentsia among whom Jadid modernists were influential. Academic source studies eventually appeared in Daghestan following the World War II under the influence of the Orientologist school from

---

¹ Работа была поддержана Нидерландским Институтом перспективных исследований в области гуманитарных и социальных наук (NIAS).

Leningrad. However, graduates of madrasas continued contributing in Oriental archaeography. In some respect, interests and views of Jadids and the first Soviet Orientologists close to them influenced the thematic repertoire of the largest state collection of manuscripts emerged from the middle of the 1920s at Institute of History, Archeology and Ethnography in Makhachkala. From the 1920-s through the end of the 1980s the focus of field archeography was on original Daghestani writings and documents contrary to more general works and commentaries on Islamic law, dogmatics, ritual that dominated in the majority of mosque and private libraries. Moreover, Muslim modernists and their followers introduced into the research use classical monuments of the local Muslim historiography and documents dating back to the middle ages and early modern times.

Keywords: field Archeography, Oriental manuscripts and documents, area studies, Jadids, Cultural Revolution, Soviet modernization.

Во второй половине XX в. в Дагестане сложилась блестящая школа академической ориенталистики и полевой восточной археографии, преимущественно арабистики, – крупнейшая на Юге России и единственная на Северном Кавказе. Находки археографических экспедиций позднего советского и постсоветского времени неплохо документированы. Тематический репертуар рукописных коллекций, их роль в давних связях между ‘улама’ на Северном Кавказе, в Средней Азии и Поволжье, на Ближнем Востоке отражены в статьях и целом ряде каталогов [1; 2, с. 59–66; 3, с. 5–21; 4; 5]. В то же время, ранняя история складывания дагестанской школы восточной археографии, ее досоветские корни еще плохо изучены.

Что можно сказать о началах восточной археографии в Дагестане позднего имперского и раннего советского времени в общем контексте истории российского академического востоковедения? Какую роль в ее становлении сыграла местная мусульманская элита, прежде всего модернисты-джадиды и близкие к ним мусульманские ученые? Насколько их интересы и представления предопределили тематический репертуар академического источниковедения и подходы к изучению местных нарративных источников и документов эпохи средневековья и нового времени на восточных языках? В какой степени развитие восточной археографии отвечало политическим установкам российских и советских властей в регионе? Как менялись подходы к изучению восточных рукописей и их научные интерпретации? Когда и как на основе мусульманского краеведения сложилось научное восточное источниковедение? Эти вопросы определяют задачи и рамки настоящей статьи.

Отличительной особенностью Дагестана, во многом предопределившей направление развития восточного источниковедения, было и остается исключительное богатство рукописных библиотек. Только за последние десятилетия археографические экспедиции под руководством А.Р. Шихсаидова выявили здесь более четырехсот частных и мечетных собраний рукописей на арабском языке и в арабской графике, привезенных с Ближнего Востока (частично из Волго-Уральского региона) и переписанных на месте, преимущественно в XVIII–XX вв. [4, с. 136]. До массовых антирелигиозных репрессий конца 1920-х – 1930-х гг., в которых, судя по рассказам дагестанцев, погибли десятки, если не сотни рукописных библиотек, их было значительно больше. Следует также отметить, что арабский язык (*ал-фусха*) оставался основным языком власти, права и культуры после включения Дагестана в состав царской и ранней советской России. Арабская графика использовалась в официальном делопроизводстве до официального перехода в 1927 г. на латинскую графику, которую в конце 1930-х гг. сменила модифицированная кириллица. Переписка и даже составление рукописей на арабском языке и в арабской графике, правда, в меньших масштабах, продолжались в 1950-е – 1980-е гг. В период становления восточной археографии между двумя мировыми войнами занятие источниковедением и краеведением предполагало, прежде всего, умение читать арабоязычные и арабографичные рукописи и документы.

Дореволюционная ориенталистика на Кавказе носила преимущественно прикладной и краеведческий характер, ограничиваясь переводами, нередко сокращенными пересказами, отдельных арабоязычных и арабографичных нарративных источников и документов [6, с. 1072–1073; 7, с. 1–22; 8, с. 1–76; 9]. Такой жанр (араб. *мухтасар*), неплохо вписывался в местную мусульманскую книжную традицию. По верному замечанию И.Ю.

Крачковского, до крушения империи в 1917 г. на Кавказе не возникло самостоятельного центра научной арабистики [10, с. 135]. До советского периода в регионе не было ни университетов, ни научно-исследовательских учреждений. Сбор, перевод и изучение арабских и арабографичных рукописей оставался частным делом энтузиастов, большинство из которых принадлежало к числу мусульманской духовной элиты края и имели личные рукописные библиотеки.

Как современные научные дисциплины источниковедение и восточная археография берут начало на Северном Кавказе с созданием в 1920-е гг. в советских автономиях региона сети музеев, краеведческих обществ и научно-исследовательских учреждений. Еще в годы Гражданской войны во Владикавказе было организовано Историко-филологическое общество, в 1925 г. преобразованное в Осетинский научно-исследовательский институт (НИИ) краеведения. В 1925–1927 гг. подобные НИИ появились в Ингушетии и Кабардино-Балкарии, в Краснодаре было создано Общество изучения Адыгейской автономной области. В Ростове-на-Дону возник Краевой Горский НИИ [11, с. 19]. В 1924 г. в Махачкале открылся Дагестанский институт национальных культур. Одновременно с ним первый нарком просвещения Алибек Тахо-Годи добился создания в 1924 г. в Буйнакске Дагестанского краеведческого музея, позднее переехавшего в Махачкалу и получившего название Дагестанского государственного объединенного историко-архитектурного музея имени А. Тахо-Годи. Филиалы музея были организованы в центрах сельских районов республики. В 1927 г. Институт национальных культур был преобразован в Институт культуры при Совнарком Дагестанской АССР, а в 1938 г. переименован в Институт истории, языка и литературы (ИИЯЛ), позднее получивший имя народного поэта Дагестана Гамзата Цадасы. На основе Института истории, языка и литературы в 1946 г. была создана Дагестанская база АН СССР, преобразованная в 1949 г. в Дагестанский филиал АН СССР. В 1991 г. институт были разделены на два действующих поныне подразделения Дагестанского научного центра РАН: Институт языка, литературы и искусства и Институт истории, археологии и этнографии (ИИАЭ).

Вместе с созданием музеев и НИИ в середине 1920-х гг. в горных районах Дагестана начинается интенсивная работа по собиранию, копированию, переводу и изучению документов и рукописей из частных и мечетных библиотек на восточных языках, преимущественно на арабском литературном и местных кавказских и тюркских языках в арабской графике (*'аджам*). Собранные материалы сначала поступали в Дагестанский краеведческий музей, и частично – в Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). После создания в ИИЯЛ Рукописного фонда в 1945 г. сложилась основа крупнейшего государственного рукописного собрания региона. Оно вобрало в себя более ранние коллекции Дагестанского краеведческого музея и ИИЯЛ [4, с. 133]. В 1963 г. в институте возник отдел восточных рукописей, сотрудники которого занялись разбором собранных рукописей и документов. С 1948 г. проводились ежегодные археографические экспедиции в сельские районы, в результате которых было собрано 13653 единиц хранения: около 4 тысяч рукописей и 5819 писем (ф. 16, оп. 1–4), включая дипломатическую переписку, актовый материал, делопроизводство российских судов по адату и шариату в оригиналах и копиях. В составе коллекции выделяются библиотека дагестанских востоковедов (ф. 13), рукописные (ф. 14) и старопечатные книги (ф. 15) на восточных языках, ксерокопии и фотокопии рукописей, старопечатных книг и документов (ф. 30), а также библиотека одного из создателей Рукописного фонда М.-С.Д. Саидова (1902–1985) (ФМС) [12]. Материалы, скопированные сотрудниками обоих учреждений, хранятся в Научном архиве ИИАЭ (ф. 1, 5).

Академическое источниковедение сложилось в Дагестане уже в послевоенные десятилетия. Немалую роль в формировании академической ориенталистики здесь сыграли выпускники Восточного факультета Ленинградского университета, стажеры и аспиранты Ленинградского отделения Института востоковедения АН ССР (ныне Институт восточных рукописей РАН). К их числу относится признанный глава дагестанской ориенталистики А.Р. Шихсаидов, такие классики восточной археографии Дагестана, как Т.М. Айтберов, Д.Х. Гаджиева (1955–2013), Х.А. Омаров (1937–2007), Г.М.-Р. Оразаев. Важно отметить,

что даже во второй половине XX в. и в постсоветское время среди дагестанских источниковедов были и остаются выпускники мусульманских образовательных учреждений, нередко получившие наряду с религиозным и светское высшее образование. В довоенные десятилетия в Дагестане практически не было историков-востоковедов с высшим специальным светским образованием. Арабисты из петербургско-лининградской школы ориенталистики кроме отдельных филологов (А.Н. Генко) на Северный Кавказ не ездили и местными документами и рукописями не интересовались. Редкими исключениями в этом роде был ученик И.Ю. Крачковского А.М. Барабанов, сделавший первый полный перевод хроники Мухаммеда-Тахира ал-Карахи о Кавказских войнах XIX в., но рано погибший в Великой отечественной войне и свое исследование хроники не закончивший. Историк-краевед из Ростова-на-Дону Н.И. Покровский в конце жизни выучил арабский и работал с арабоязычными хрониками XIX в., но оставил только неплохой обзор источников Кавказских войн, преимущественно на русском языке [13]. Стоит упомянуть Кавказскую историко-бытовую экспедицию Исторического музея Москвы под руководством А.Б. Закс, собравшую в горном Дагестане в 1936–1937 гг. интересные арабоязычные письма и документы, которые составляют ныне основу кавказской коллекции ГИМ [14, с. 151–185].

Кадров для осуществления в регионе глобального советского проекта культурной революции катастрофически не хватало. До середины 1920-х гг. даже учителями общеобразовательных школ были преимущественно сельские муллы, *кади* и преподаватели медресе. Поэтому к сбору и обработке восточных рукописей в Дагестане первоначально были привлечены представители мусульманской духовной элиты, в том числе бывшие чиновники имперской администрации Дагестанской области. Некоторые имели высшее образование, но, как правило, не историческое и даже не гуманитарное, а инженерно-техническое. При этом они увлекались родной историей края и хорошо разбирались в местной мусульманской историографии, порой не раз переписав эти сочинения для собственной библиотеки или *мударриса*, у которого учились. Подавляющее большинство собирателей арабоязычных рукописей погибли в ходе массовых политических и антирелигиозных репрессий 1920-х – 1930-х гг., почему их биография и в особенности занятия восточной археологией до недавнего времени были цензурированы, и еще остаются плохо известными. Во многом, ориентиром здесь служат рукописи Научного архива и Фонда восточных рукописей ИИАЭ, содержащие скудные указания на собирателей и переводчиков, реже – коллекции, из которых были извлечены материалы, государственных заказчиков экспедиций и время переписки. В голодные и неустроенные 1920-е гг. большинство рукописей оставались в частных коллекциях. В Музей и НИИ поступали их рукописные копии (фото- и машинописные копии появились в Дагестане в послевоенные десятилетия).

Среди первых собирателей восточных рукописей в Дагестане преобладали мусульманские ученые и представители зарождавшейся на рубеже XIX–XX вв. мусульманской интеллигенции из аварских, кумыкских и лакских селений. Их имена сохранили личные дела научных архивов обоих академических институтов Махачкалы, о которых уже говорилось выше. Особенно много сделали в этом направлении Мухаммед Пирбудагов Инквачилав и его племянник Мансур Гайдарбеков (1907–1987) из сел. Геничутль, инженер Багадур Малачиханов (1882–1941) из сел. Ашильта, Абдулатип Шамхалов (1900–1933) из сел. Аргвани. Большинство из них работали с середины 1920-е гг. в Институте национальных культур. Абдулатип Шамхалов по направлению Наркомата просвещения ДАССР учился, а позднее работал в 1923–1927 гг. научным сотрудником в Институте народов советского Востока Российской академии НИИ общественных наук в Москве. Обучение предполагало летнюю практику на Северном Кавказе с копированием исторических и этнографо-фольклорных материалов на восточных языках [15]. В Научном архиве ИИЯЛ есть несколько толстых томов, куда Инквачилав копировал арабоязычные рукописи и надписи с переводом их на аварский язык сначала в арабской, а затем в латинской графике. Говорят, его почерк был слишком неразборчив и опотому большинство его записей

было начисто переписано его племянником Гайдарбековым¹. А в 1960-е гг. последний, работая в должности лаборанта ИИЯЛ, за два с небольшим года подготовил 2 тома антологии дагестанской арабоязычной поэзии и 14 томов исторических выписок²!

В советской историографии второй половины XX в. эти ученые-энтузиасты получили название «просветителей» [16, *passim*]. Не следует, однако, воспринимать этот термин буквально. Он служил скорее для оправдания изучения советскими востоковедами выходцев из мусульманской духовной элиты, сотрудничавших с советской властью, позднее репрессированных и реабилитированных, начиная с конца 1950-х гг. В действительности, они были скорее краеведами, собиравшими материалы для составления обзорных работ по истории, культуре и фольклору мусульман Дагестана.

Интересно, что в первых археографических экспедициях 1920-х – начала 1930-х гг. участвовали дагестанские модернисты-джадиды и их ученики. Наиболее крупным представителем этого течения, тесно сотрудничавшего с большевиками еще в годы Гражданской войны, вовлеченным в сбор и перевод арабоязычных рукописей был мусульманский публицист, преподаватель медресе и историк ‘Али ал-Гумуки (из сел. Кумух), более известный как Али Каяев (1878–1943). После закрытия в 1927 г. шариатского суда в сел. Кумух, где он работал кади и руководил новометодной джадидской мадраса, Каяев переехал в Махачкалу, по приглашению правительства Дагестана и лично знавшего его Дж. Коркмасова, устроившись научным сотрудником в Институт культуры при Совнарком республики, где и работал с 1928 г. до своего первого ареста и ссылки в Казахстан в 1930 г. В 1934–1938 гг. после досрочного освобождения и вплоть до второго ареста и высылки из Дагестана он был восстановлен на работе в Институте. В эти годы он много писал и переводил с арабского, фарси, турецкого, ездил по горным селениям Дагестана, работал в библиотеках Тбилиси и Москвы [17, с. 193; 18, с. 165–182]. Наряду с материалами, вошедшими в Научный архив и Фонд восточных рукописей ИИЯЛ, Каяев собрал большую личную библиотеку. Некоторые книги и документы из нее погибли в НКВД. Только в 1938 г. сотрудники НКВД изъяли 7 объемистых папок с рукописями. Обнаружить их в архивах КГБ-ФСБ не удалось. Но основную часть собрания жене Каяева удалось сберечь, замуровав комнату, где она хранилась. Наиболее ценные письма и документы XVII – первой четверти XX в. сам он спрятал под землей в казане накануне второй ссылки, из которой он не вернулся. В 1990-е гг. собрание рукописей и писем было извлечено из тайников. Вся библиотека хранится ныне у внука ученого Ильяса Каяева в Махачкале.

Еще более существенен вклад в становление восточной археографии в Дагестане ученика Каяева Магомед-Сеида Джамалудиновича Саидова (1902–1985) из сел. Геничутль. Он окончил его медресе в Кумухе в первые годы после установления советской власти в Дагестане. Как и Каяев, Саидов сначала работал учителем в сельских школах, участвовал в издании первой советской газеты на аварском языке «МагIарулав (Горец)». Впоследствии он получил высшее гуманитарное образование, защитил в 1940 г. в Москве кандидатскую диссертацию по лингвистике и возглавил Отдел восточных рукописей (позднее отдел востоковедения) ИИЯЛ. Саидов руководил археографическими экспедициями. В 1960-е и 1970-е гг. он периодически привлекал к археографической работе с арабоязычными фондами Института арабистов из числа выпускников дагестанских мадраса дореволюционного и раннего советского времени, в 1930-е гг. закрытых. На положении лаборанта Отдела востоковедения в Институте работал земляк Магомед-Сеида арабист и сельский учитель Мансур Гайдарбеков, начинавший работать с восточными рукописями со своим дядей Инвачилавом. В той же должности перебивали несколько известных в республике арабистов, в основном аварцев, такие как Мухаммед Нурмагомедов из сел. Аракани (1909–1997), владелец крупнейшей в республике частной библиотеки, которую он собрал в ходе археографических экспедиций, К.М. Баркуев и выпускник медресе Мир-и Араб М.-Р. Мугумаев, переводившие правовые документы из Фонда восточных рукописей (ф. 16), и другие. У Каяева учились и некоторые другие ‘улама’, принявшие участие в ар-

---

¹ По устному сообщению к.и.н. Т.М. Айтберова (ДГУ).

² Гайдарбеков М. Хронология истории Дагестана // Научный Архив ИИАЭ. Ф.3. Оп. 1. Д. 236. Т. I–XIV.

географической работе, в частности А. Шамхалов [15, с. 316–317], бравший у него частные уроки в Темир-Хан-Шуре. Каяева близко знал М. Нурмагомедов.

Любопытно посмотреть на тематику сочинений и документов Фонда восточных рукописей на предмет понимания интересов и установок ранней восточной археографии. Конечно, велика здесь была сила инерции. Фонд вобрал в себя три типа коллекций: Во-первых, рукописные библиотеки закрытых в советское время мечетей, медресе при них и святых мест (*nur, ziyarat*). Во-вторых, в состав Фонда вошли отдельные книги, документы и их копии из мечетей, вновь открытых во второй половине 1940-х гг. и продолжавших действовать в позднее советское время. Наконец, львиную долю поступлений в Фонд составили бывшие частные библиотеки [4, с. 134–137]. По этой причине состав его во многом воспроизводит тематику и особенности рукописных библиотек региона дореволюционного и раннего советского времени. Он неплохо отражает круг чтения и интересы образованного дагестанского читателя нового времени. Особенной популярностью пользовались сочинения и комментарии по исламскому праву (*фикх*) преобладающего в Дагестане шафиитского толка и арабской грамматике, не говоря про большое число копий Корана, его частей и сочинений по коранической экзегетике. По происхождению здесь выделяются, во-первых, рукописи, привезенные в Дагестан с Ближнего Востока и из Средней Азии. Они относятся к древнейшей части коллекции, самые ранние из них – кунфические Кораны XI–XIV вв. Другая группа рукописей – это работы XIV–XX вв. дагестанских переписчиков (*катибов*), тиражировавших сочинения, привезенные их соотечественниками из-за рубежа и из соседних с Кавказом мусульманских регионов. Третья (и наиболее любопытная) группа рукописей представляет оригинальные дагестанские сочинения XI–XX вв., преимущественно в копиях и более поздних списках с отдельными оригиналами и даже автографами [19, с. 190]. В Дагестане любили соединять разнородные сочинения малых форм в сборники (*маджму'ат*).

В то же время, по верному замечанию знатока дагестанской книжной культуры А.Р. Шихсаидова, библиотеки дагестанских джадидов и собранный с их помощью Фонд восточных рукописей нарушают местную традицию [5, с. 5–8]. В дагестанской восточной археографии между двумя мировыми войнами упор был сделан на преимущественный сбор и изучение оригинальных дагестанских сочинений и документов на арабском языке. Конечно, во многом здесь довлел политический заказ организаторов восточной археографии из Наркомата просвещения ДАССР. По всему Советскому Союзу в 1920-е гг. шла подготовка региональных версий советской истории недавно закончившейся победой советского государства Гражданской войны и войн, которые вела на бывших восточных окраинах Российской империя, антагонистом которой позиционировал себя Советский Союз. Военно-политическому нарративу борьбы империи с восточными «дикарями» и «хищниками» на ее окраинах ранняя советская историография противопоставляла новый (опять же военно-политический) нарратив национально-освободительного движения и идею написания народной истории трудящихся масс Востока, своего рода антиимперской национальной истории. Эти установки чувствуются в исторических выписках Али Каяева 1920-х – начала 1930-х гг., а также в подготовленных на их основе объемных обзорных трудах, хранящихся в библиотеке Ильяса Каяева и Научном архиве ИИАЭ: «Из истории гражданской войны. 1920 год» (на араб. яз., 84 л.), «История гражданской войны» (на лак. яз., 1924–1934 гг.), «Материалы по истории лаков» (на лак. яз., 271 л.), «Материалы по истории Дагестана» (1935 г., на лак. яз., 141 л.), «История восстания 1877 года в Дагестане и Чечне» (на лак. яз., 239 л.) [18]. Те же установки объясняют, почему выписки и сочинения Каяева середины 1920-х гг. написаны на арабском, а более поздние – уже на лакском языке (сначала в арабской, затем в латинской графике). равным образом государственный заказ чувствуется в капитальном труде Инквачилава «Переписка эпохи Кавказских войн и материалы к истории Дагестана»¹.

¹ Инквачилава [М.]. Переписка эпохи Кавказских войн и материалы по истории Дагестана // Научный Архив ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 426. 230 л.

Однако направление ранних советских археографических исследований определял не только и не столько государственный заказ. Личные вкусы и научные интересы собирателей сыграли здесь не менее важную роль. Репертуар представленных в этих коллекциях материалов во многом отражает интересы дагестанских *джадидов* и их последователей. Не случайно, в материалах библиотеки М.-С. Саидова хорошо представлена не только оригинальная дагестанская историография, но также стихи дагестанских ученых на арабском языке, в том числе на исторические темы¹, а также словарь биографий дагестанских ученых Назира из с. Дургели (ум. 1935) «Нузхат ал-азхан фи тараджим ‘улама’ Дагистан», выдержки из сочинений российских джадидов, близких им реформаторов рубежа XIX–XX вв. с Ближнего Востока и трудов знаменитого татарского мусульманского мыслителя и историка Шихаб ад-дина Марджани [5, с. 6]. В свою очередь, краткий биографический словарь дагестанских ученых-арабистов подготовил, но не успел издать в советское время Али Каяев. Среди его работ в Фонде восточных рукописей хранится несколько его вариантов на староосманском языке. К этому же роду научных изысканий можно отнести упоминавшиеся выше компиляции М. Гайдарбекова – его 2-томную антологию дагестанской исторической поэзии на арабском языке и 14-томные исторические выписки в жанре кратких арабоязычных памятных записей (*таварих*) с эпохи арабского завоевания в раннем средневековье до 1920-х гг.

Интересно указать на один любопытный и важный факт. Именно в работах дагестанских джадидов и их учеников, с именами которых связано начала восточной археографии в Дагестане, вводятся в научный оборот памятники мусульманской историографии Дагестана с эпохи раннего средневековья до конца нового и начала новейшего времени, ставшие классическими в современном дагестанском востоковедении. Сначала у Али Каяева, а затем в материалах археографических экспедиций середины 1920-х гг. М. Инквачилава и М. Гайдарбекова впервые появляются упоминания хунзахского списка политической программы «Завещания Андуника» (1485 г.), знаменитого кодекса «Гидатлинских адатов» XVII–XIX вв. Дореволюционная историография знала о существовании разных списков средневековых хроник «Дарбанд-нама» и «Та’рих ислам фи Дагистан», оперировала данными сокращенных пересказов хроники Кавказской войны Мухаммеда-Тахира ал-Карахи. Вместе с тем, она пребывала в глубоком неведении о важнейших документах, нормативных и нарративных памятниках, сложившихся в ханствах и союзах горских общин задолго до установления над Дагестаном российского владычества. Более того, в российской истории права укоренилось превратное мнение о бесписьменном характере обычного права. Копирование и введение в научный оборот этих памятников позволило существенно скорректировать представления об уровне развития книжной культуры региона, начиная с раннего средневековья. Современная историография связывает этот и другие прорывы с исследованиями главы ранней школы дагестанской археографии М.-С. Саидовым. Не подвергая сомнению это справедливое суждение, можно со всем основанием предположить, что начало пересмотра укоренившихся в местной мусульманской и российской литературе ошибочных клише восходит к деятельности первого учителя Саидова Али Каяева. Кстати, именно он первым отметил важность изучения ранней суфийской энциклопедии начала XII в. Мухаммеда б. Мусы Абу Бакра ад-Дарбанди «Райхан ал-хака’ик ва бустан ад-дака’ик», краткое описание которой оставил М.-С. Саидов, а в научный оборот уже на рубеже XX–XXI вв. ввел ученик А.Р. Шихсаидова А. К. Аликберов [22]. Тот же Каяев включает в состав своей библиотеки сочинения и книги из собрания средневекового арабского миссионера в Кумухе Ахмада ал-Йамани, научный разбор творчества которого смог сделать только А.Р. Шихсаидов.

Все эти факты не должны вызывать недоумений. Поздние мусульманские эрудиты, в первую очередь дагестанские джадиды, начиная с дагестанского историка Хасана Алка-

---

¹ Стихотворное наследие дагестанских ‘улама’, в особенности их стихи на злободневные и исторические темы остается наименее изученной частью оригинальной дагестанской литературы на арабском языке. Даже в недавних немецком и русском изданиях биографического словаря Назира из с. Дургели все стихи были изъяты из публикации. См. 20, 21.

дари (1834–1910), подвергли критическому разбору местную мусульманскую историческую традицию. Но понять значение сделанных ими открытий для современной ориенталистики и восточной археографии смог только М.-С. Саидов и его последователи из ленинградско-дагестанской школы академического востоковедения. В работах Саидова еще заметны недочеты, свойственные мусульманской историографии, в частности пробелы в точном атрибутировании обнаруженных им уникальных источников. В частности, до сих пор не удается найти оригинала хунзахского списка «Завещания Андуника». Однако, эти недостатки отнюдь не умаляют значения перехода от мусульманского краеведения к современному источниковедению и восточной археографии, осуществление которого связано с именем М.-С. Саидова и продолживших его начинания дагестанских востоковедов ленинградской школы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Каталог арабских рукописей Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала АН СССР / Под ред. М.-С. Саидова. Вып. 1. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1977. 96 с.
2. Шихсаидов А.Р. Изучение восточных источников по истории и культуре Дагестана // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Сер. Общественные науки. Ростов-на-Дону, 1988. № 4. С. 59–66.
3. Шихсаидов А.Р. Археографическая работа в Дагестане // Изучение истории и культуры Дагестана: археографический аспект. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1988. С. 5–21.
4. Шихсаидов А.Р., Тагирова Н.А., Гаджиева Д.Х. Арабская рукописная книга в Дагестане. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2001. 252 с.
5. Шихсаидов А.Р., Омаров Х.А. Каталог арабских рукописей (Коллекция М.-С. Саидова). Махачкала: Издательство типографии ДНЦ РАН, 2005. 330 с.
6. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / Под общей ред. А.П. Берже. Т. II. [1802–1806]. Тифлис: Типография Главного управления Наместника кавказского, 1868. 1238 с.
7. Казикмухский, Джемалэддин. Адабуль-марзия // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. VII. Отд. III. Тифлис, 1869. С. 1–22.
8. Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. VII. Отд. I. Тифлис, 1873. С. 1–76.
9. Тарихи Дербенд-наме / Под ред. М. Алиханова-Аварского. Тифлис: Типография Я.И. Либермана, 1898. 192 с.
10. Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики // Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1958. Т. V. С. 7–192.
11. Страницы отечественного кавказоведения / Отв. ред. Н.Г. Волкова. М.: Наука, 1992. 221 с.
12. Архивы Российской академии наук // <http://www.iran.ru/?q=ru/node/388>; <http://www.ihadnc.ru/static?id=94>. Последнее обращение 11.03.2018.
13. Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М.: РОСПЭН, 2000. 511 с.
14. Закс А.Б. Северокавказская историко-бытовая экспедиция Государственного исторического музея 1936–1937 гг. // Труды Государственного исторического музея. Вып. XV. М., 1941. С. 151–185.
15. Тахнаева П.И. Аргвани: мир ушедших столетий. Исторический портрет сельской общины Нагорного Дагестана. М.: Восточная литература, 2012. 484 с.
16. Меджидов Ю.В., Абдуллаев М.А. Али Каяев: жизненный путь, естественно-научные и общественно-политические воззрения. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1968. 184 с.
17. Бобровников В.О. Каяев, Али // Ислам на территории бывшей Российской империи: энциклопедический словарь / Под ред. С.М. Прозорова. Т. I. М.: Восточная литература, 2006. С. 192–194.
18. Наврузов А.Р. Али Каяев – последний энциклопедист Дагестана // Святыни Дагестана / Под ред. А.Р. Шихсаидова. Вып. 3. Махачкала: Эпоха, 2013. с. 165–182.
19. Османов А. И., Шихалиев Ш.Ш. Письменные памятники Востока в составе Рукописного фонда ИИАЭ ДНЦ РАН // Письменные памятники Востока. 2009. № 1. С. 189–196.
20. Ad-Durgilis, Nadhir (st. 1935), Nuzhat al-adhan fi taraḡim ‘ulama’ Dagistan / Hrsg., übersetzt und kommentiert von M. Kemper und A.R. Šixsaidov. Berlin: Klaus Schwarz, 2004. 460 p.
21. Ad-Durgeli, Nazir. Усилада умов в биографиях дагестанских ученых. Дагестанские ученые X – XX вв. и их сочинения / Пер. с араб., комм., факсимиле, указат. и библиогр. А.Р. Шихсаидова, М. Кемпера, А.К. Бустановы. М.: Издательский дом Марджани, 2012. 204 + 223 (факсимиле) с.
22. Аликберов А.К. Эпоха классического ислама на Кавказе. Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака’ик» XI–XII вв. М., 2003. 847 с.

REFERENCES

1. Saidov M.-S. editor. *Katalog arabskikh rukopisei Instituta istorii, yazyka i literatury im. G. Tsadasy Dagestanskogo filiala AN SSSR* (Catalogue of Arabic Manuscripts Kept at the Gamzat Tsadasa Institute of History, Lan-

guage and Literature of the Daghestani Branch of the Academy of Sciences of the USSR). Vol. 1. Moscow: Nauka, Chief Editorial Board of Oriental Literature, 1977. 96 p.

2. Shikhsaidov A.R. Izuchenie vostochnykh istochnikov po istorii i kul'ture Dagestana [The Study of Oriental Sources on Daghestan's History and Culture]. In *Izvestiya Severo-Kavkazskogo nauchnogo tsentra vysshei shkoly*. Social Sciences series. Rostov-na-Donu, 1988. no 4. PP. 59–66.

3. Shikhsaidov A.R. Arkheograficheskaya rabota v Dagestane [Archeographic Work in Daghestan]. In *Izuchenie istorii i kul'tury Dagestana: arkheograficheskii aspekt*. Makhachkala: Daghestan Book House, 1988. PP. 5–21.

4. Shikhsaidov A.R., Tagirova N.A., Gadzhieva D.Kh. *Arabskaya rukopisnaya kniga v Dagestane* (Arabic-language Manuscript Books in Daghestan). Makhachkala: Daghestan Book House, 2001. 252 p.

5. Shikhsaidov A.R., Omarov Kh.A. *Katalog arabskikh rukopisei (Kollektsiya M.-S. Saidova)* (Catalogue of Arabic Manuscripts (M.-S. Saidov's Collection)). Makhachkala, Publishers of the Printing House of the Daghestani Research Center of the Russian Academy of Sciences, 2005. 330 p.

6. Bergé A.P. editor. *Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei* (Acts Gathered by the Caucasus Archeographic Commission). T. II. [1802–1806]. Tiflis: Printing House of the Caucasus Viceroy's Headquarters, 1868. 1238 p.

7. Dzhemaleddin Kazikumukhskii. Adabul'-marziya [Adab al-mardiyya – The Respected Ethics]. In *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh* (Collection of information about the Caucasian mountaineers). Iss. VII. Part. III. Tiflis, 1869. PP. 1–22.

8. Gadzhi-Ali. Skazanie ochevidtza o Shamil'e [Eyewitness Account of Shamil]. In *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh* (Collection of information about the Caucasian mountaineers). Vol. VII. Pt. I. Tiflis, 1873. PP. 1–76.

9. Alikhanov-Avarkii M. editor. *Tarikhi Derbend-name* (Ta'rikh-yi Darband-namah – History of Derbent). Tiflis: Ya.I. Libermann's Printing House, 1898. 192 p.

10. Krachkovskii I.Yu. Ocherki po istorii russkoi arabistiki [Historical Essays of the Russian Arabic Studies]. In. Krachkovskiy I.Yu. *Selected works*. Vol. V. Moscow: Publishing house of the Academy of Science, 1958. PP. 7–192.

11. Volkova N.G. editor. *Stranitsy otechestvennogo kavkazovedeniya* (On the Pages of Russian Caucasus Studies). Moscow, Nauka, 1992. 221 p.

12. Arkhivy Rossiiskoi akademii nauk [Archives of the Russian Academy of Sciences]. Available from: <http://www.arran.ru/?q=ru/node/388>; <http://www.ihadnc.ru/static?id=94>. Last view on 11.03.2018.

13. Pokrovskii N.I. *Kavkazskie voyny i imamat Shamilya* (Caucasus Wars and Imamate of Shamil). Moscow, ROSSPEN, 2000. 511 p.

14. Zaks A.B. Severo-kavkazskaya istoriko-bytovaya ekspeditsiya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya 1936–1937 gg. [North Caucasus Historical and Ethnographical Expedition of the State Historical Museum in 1936–1937]. In *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya*. Vol. XV. Moscow, 1941. PP. 151–185.

15. Takhnaeva P.I. *Argvani: mir ushedshikh stoletii. Istoricheskii portret sel'skoi obshchiny Nagornogo Dagestana* (Argvani :the World of Centuries Passed Away. Historical Portrait of a Village Community in Mountain Daghestan). Moscow: «Vostochnaya literatura» publisher, 2012. 484 p.

16. Medzhidov Yu.V., Abdullaev M.A. *Ali Kayaev: zhiznennyi put', estestvenno-nauchnye i obschestvenno-politicheskie vozzreniya* (Ali Kayaev: Life, Scientific and Social Political Views). Makhachkala: Daghestan Book House, 1968. 184 p.

17. Bobrovnikov V.O. Kayaev, Ali ('Ali Kayaev). In *Prozorov S.M. editor. Islam na territorii byushei Rossiiskoi imperii: entsiklopedicheskii slovar'='Islam on the territory of the former Russian Empire: Encyclopadic Dictionary*. T. I. Moscow: «Vostochnaya literatura» publisher, 2006. PP. 192–194.

18. Navruzov A.R. Ali Kayaev – poslednii entsiklopedist Dagestana [Ali Kayaev as the Last Encyclopedist in Daghestan]. In Shikhsaidov A.R. editor. *Svyatyni Dagestana*. Vol. 3. Makhachkala: Epokha, 2013. PP. 165–182.

19. Osmanov A.I., Shikhaliev Sh.Sh. Pis'mennye pamyatniki Vostoka v sostave Rukopisnogo fonda IIAE DNTs RAN [Oriental Manuscripts in the Manuscript Collection of the Institute of History, Archeology and Ethnography, Daghestani Research Center of the Russian Academy of Sciences]. In *Pis'mennye pamyatniki Vostoka. Written monuments of Orient*. 2009. no. 1. PP. 189–196.

20. Al-Durgilis, Nadhir. *Nuzhat al-adhan fi tarağim 'ulama' Dagistan* (The Delight of Minds in the Biographies of Daghestani Scholars). In Kemper M., Šixsaidov A.R. editors. *Muslim Culture in Russia and Central Asia*. Vol. 4. Berlin: Klaus Schwarz, 2004. 460 p.

21. Al-Durgeli, Nazir. *Uslada umov v biografiyakh dagestanskikh uchenykh. Dagestanskije uchenye X–XX vv. i ikh sochineniya* (The Delight of Minds in the Biographies of Daghestani Scholars. Daghestani Scholars of the Xth – XXth Centuries). Shikhsaidov A.R., Kemper M., Bustanov A.K., editors. Moscow: Marjani Publishers, 2012. 202 + 223 p.

22. Alikberov A.K. *Epokha klassicheskogo islama na Kavkaze. Abu Bakr ad-Darbandi i ego sufiiskaya entsiklopediya «Raikhan al-khaka'ik» XI–XII vv.* (The Era of Classical Islam in the Caucasus. Abu Bakr al-Darbandi and his Sufi Encyclopaedy *Raihan al-haqa'iq* in the 11th and the 12th Centuries). Moscow: «Vostochnaya literatura» publisher, 2003. 847 p.